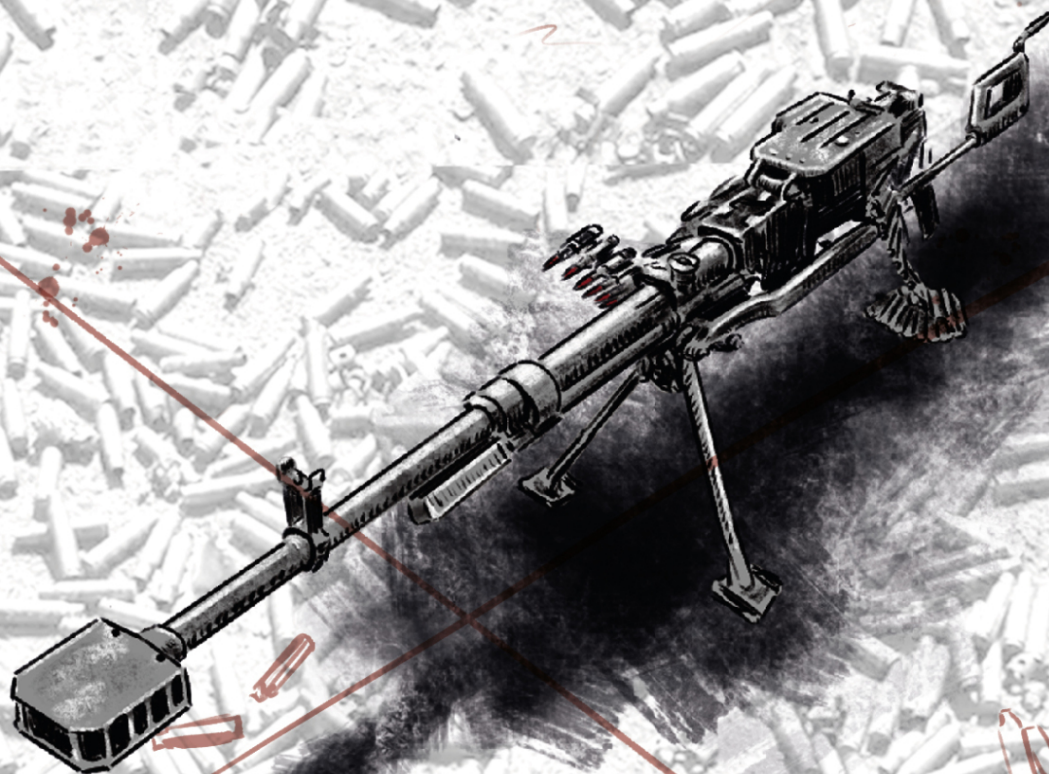

СЕРЖАНТ

**СИЛА КРУПНОГО
КАЛИБРА**

**ПОПАДАНЕЦ
В ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР**

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Корчевский

Сержант. Сила крупного калибра

«Феникс»

2020

Корчевский Ю. Г.

Сержант. Сила крупного калибра / Ю. Г. Корчевский —
«Феникс», 2020

ISBN 978-5-222-39158-7

Борис Иванов – сержант-срочник Российской армии, простой парень из небольшого провинциального городка, где не принято «косить» от военной службы. И до дембеля ему остается всего три месяца, но обычный выезд на полигон привел Иванова в какой-то непонятный мир. Вроде бы это прошлое? Но здесь другой уклад жизни, другие боги, и заправляют всем жестокие и богатые старики, использующие нечто вроде магии. Что может противопоставить обычный сержант могущественным правителям, способным одним словом послать в бой стаи горгулий и орды мертвецов? У парня есть броневик «Тигр» и пулемет «Корд». Но хватит ли Борису патронов калибра 12,7 мм для завоевания уважения затюканного народа, воинов и волхвов?

ISBN 978-5-222-39158-7

© Корчевский Ю. Г., 2020

© Феникс, 2020

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юрий Корчевский

Сержант. Сила крупного калибра

Глава 1

Туман

В армию Борис попал сразу после окончания железнодорожного колледжа. Только успел получить диплом, поспрашивать на выпускном вечере, а назавтра обнаружил в почтовом ящике повестку из военкомата. Событие ожидаемое, но всё равно внезапное, делящее жизнь на до и после. Ныне служить – не как в девяностые. Один год – не так много, да и дедовщины в армии стало намного меньше. С приходом Шойгу армия меняться стала. Новая техника и вооружение пришли, благоустроенные казармы для солдат и квартиры для офицеров. Денежное довольствие выросло, дисциплина поднялась. Призывники от службы почти перестали косить, иначе потом попасть на госслужбу невозможно. В общем, желание получалось добровольно-принудительное.

Пошёл и не пожалел. После курса молодого бойца попал в сержантскую школу. Всё лучше, чем рядовым. Правда, в учебке гоняли в хвост и в гриву. Марши с полной выкладкой, учебные тревоги в любую погоду, стрельбы, преодоление полосы препятствий. Не по семь, а по тридцать семь потов сходило. Думал – к концу учебки останутся кости и кожа, а взвесился на весах – полтора килограмма набрал за счёт мышц. И кучу знаний приобрёл, чисто мужских – обращение с оружием, боевая техника, строевая подготовка.

После учебки получил младшего сержанта и попал в прославленную мотострелковую дивизию, которая сформирована была в первые годы войны. Командир отделения, по-армейски «комод», – первый помощник командира взвода. В батальоне снова обучение, поскольку специфика есть, батальон разведывательный. Снова учёба. Искусство маскироваться, ориентироваться по карте с привязкой к местности, захват языка, да много чего. За службой и учёбой время летело быстро. Уже подумывать стал, куда после армии работать пойдёт. До дембеля три месяца осталось, для солдат он уже «дедушка», как называли старослужащих.

И вдруг ночная тревога, погрузка в эшелон, переброска на Урал, учения округа по приказу Верховного. Выгрузили на каком-то полустанке, местность незнакомая. Разбили палаточный лагерь. Поутру получили боеприпасы. Первый взвод на задание ушёл, полк разворачиваться стал для отработки задания «Наступление и прорыв обороны противника». Учения предполагали стрельбы боевыми патронами. Бориса назначили в пикет за пятнадцать километров от полевого лагеря, чтобы кто-либо из местных на территорию полигона не забрёл, не попал под случайную пулю. В подчинении у Бориса водитель и бронеавтомобиль «Тигр». Хорошая машина, мощная, проходимая, бронирована по пятому классу защиты, то есть может выдержать попадание пули снайперской винтовки Драгунова с термоупрочнённым сердечником либо подрыв на mine с шестьюстами граммами взрывчатки. Не машина – танк на колёсах, может преодолеть стену в сорок сантиметров высотой или брод в метр двадцать глубиной. Однако и стоит денег несусветных, больше ста тысяч долларов, как сказал помпотех батальона. Может, и загнул, но Борис склонен был верить.

В машине и компас, и GPS-навигатор, ориентироваться легко. А всё равно немного заплутали, поскольку по прямой ехать не получалось. То речка с неизвестной глубиной, то гряда камней, поскольку Уральские горы рядом, днём видел их хорошо. Петлять приходилось. Да кабы ещё дороги были! Даже направлений нет, по которым деревенские бы ездили. Запаса солянки в «Тигре» на тысячу километров, потому остаться без горючего не боялись. Попет-

ляв, вроде на нужную точку вышли. Да стемнело уже, а ещё туман стал садиться, предвещая перемену погоды. Борис командиру взвода по рации кодированное послание отправил – занял позицию. Это чтобы не потеряли да оценили скорость выполнения. На учениях всегда посредник есть, и не один, оценивает качество выучки подразделения. После учений – «разбор полётов» и выводы. Коли оценки высокие, командирам поощрение – либо повышение в должности, либо досрочно звёздочка на погоны. А выучил офицер подразделение плохо – останется при том же звании, но переведут туда, где Макар телят не пас, есть такая поговорка. По-народному – к чёрту на куличики, где на сотни километров вокруг глухая тайга и после службы выйти некуда. И телевизор не работает, поскольку спутник над этими местами не висит. Телефон для связи с родными не работает, только спутниковым можно пользоваться. А он в подразделении только для закрытых переговоров есть. Закрытые – это шифрованные хитроумной системой, подслушать невозможно.

Доложил лейтенанту, задумался. До утра, до рассвета, делать нечего, можно и вздремнуть. И водитель – Антон – о том же.

– Борь, подхарчиться надо. Всё по уставу, ужин положен. А потом вздремнуть. Как говорится – солдат спит, служба идёт.

В армии любимых команд две. Или «отбой», или «приступить к приёму пищи». В машине – сухой паёк на двоих на пять суток. Вообще-то правильно сухпай называется индивидуальным рационом питания. Бывает несколько видов – боевой, для выживания, горный, усиленный для тяжёлых условий службы, бортовой для экипажей самолётов и прочие. Кроме того, в российской армии каждый сухпай имеет семь вариантов в зависимости от набора продуктов, рассчитан на сутки. В отличие от армии США, где сухпай рассчитан на один приём пищи и где двадцать четыре варианта. По мнению Бориса, в сухпае всего достаточно. Он вытащил из ящика седьмой, наугад. Один список на страницу.

Галеты – два вида, консервы – тефтели из говядины две банки по 250 гр., мясо консервированное с зелёным горошком и морковью – две банки по 250 гр., икра овощная – 2 жестянки по 100 гр., паштет печёночный, а ещё сыр, повидло, шоколад, сахар, четыре пакетика чая, поливитамины, таблетки для дезинфекции воды, спички – ветровлагоустойчивые – 6 шт., салфетки дезинфицирующие, вилка и ложка пластмассовые и портативный разогреватель с таблетками сухого горючего. По калорийности разные варианты – от 2500 ккал до 3000 ккал, по весу – от 700 граммов до 2100 граммов.

С ранешними, времён Великой Отечественной или послевоенных, не сравнить, вкуснее, калорийнее, разнообразнее. Подогревали консервы не таблетками, а уложив на выхлопной коллектор двигателя. Он после работы раскалён, на нём не только подогреть можно, но и яичницу пожарить.

Поели, немного поговорили. О чём в армии говорят, когда дембель скоро? О девушках, есть они не у всех, не успели познакомиться, о том, куда работать пойдут. Повезло тем, кто до армии успел специальность приобрести. Да если ещё и востребованную на гражданке, так вообще хорошо, это уверенность внушает. Ибо не у всех родители могут помочь в поисках работы или содержать несколько месяцев, пока поиски работы будут, сложно ныне с работой.

Поболтав, спать улеглись на полу, заперев на защёлки двери. Предосторожность – не лишняя. Положено одному стоять на посту. В итоге – один не будет спать первую половину ночи, другой – вторую. Конечно, командование может устроить «сюрприз», подошёл группу разведчиков из стана «противника», попытается захватить.

Но запертую изнутри машину открыть нельзя, потому Борис принял решение отдохнуть обоим. Бессонницы в армии не бывает, уснули почти мгновенно. Проснулись, как показалось Борису, очень рано, ещё сумеречно. Посмотрел на часы – уже восемь! Просто густой туман скрыл солнце. Быстро оправились в кустах, умылись из небольшого озера поблизости. Позавтракали сухпаем.

– Что-то не слышно, чтобы на полигоне стреляли, – сказал Антон.

И в самом деле – тишина полнейшая, даже ветра нет, кроны ближних деревьев неподвижны. Показалось – разговор донёлся. Борис обеспокоился. Не деревенские ли на полигон направились?

– Антон, ты чего-нибудь слышишь?

Водитель прислушивался, даже ладонь к уху приложил.

– Ничего.

Только сказал, оба услышали металлический стук неподалёку. Но видимости – никакой.

– Антон, сходи посмотри. Деревенских гони в шею. Оружие с собой возьми и будь начеку.

– Понял, комод!

Антон исчез в тумане. Борис взял рацию в руку. Связаться с командиром взвода? Вообще-то если бы изменилась ситуация или их сняли с пикета, лейтенант бы сообщил. Он из молодых, но служака ретивый.

Какой-то стук, побрякивание – всё ближе. Да где же Антон? Заблудился? Борис решил забраться в машину. Почему-то стук напомнил ему звук копыт стада коров. Когда был у деда в деревне, слышал подобное. В машине безопаснее. Из тумана какие-то неясные тени, всё ближе, всё чётче. Удивился Борис. Не было конницы в Российской армии. В полиции Москвы был полк, ещё в Кремлёвском полку, а в армии – нет уже с послевоенных лет. Что конница против пулемёта? Да ещё в руках у всадников длинные палки. Для чего? Зачем? Или болото поблизости, а это не палки, а следи, прощупывать безопасный проход? Нет, если болото, какие кони? Всадники ближе подъехали, и Борис поразился увиденному. Их много, десятка три, все в шлемах, кольчугах, в руках копьё, на луках седел круглые щиты приторочены. Бред какой-то! Или снимают кино, и армейцев предупредить забыли? Да нет, не должно, если только реконструкторы. Сейчас их много появилось, и каждая группа свою эпоху реконструирует. То в Пскове или Великом Новгороде на мечях дерутся, то на Бородинском поле в русских и французских мундирах из ружей палят. Всадники поближе подъехали. На шлемах забрала по-походному подняты; все бородатые, лица загорелые. У городских кожа бледная, солнце редко видит, в офисах или в цеху какое солнце? Машину окружили, смотрят, как на диковину. А потом один ткнул копьём в стекло двери. Оно бронированное, даже царапины не осталось, но всё же военное имущество, вдруг повредит? Тут Борис не выдержал, дверь приоткрыл, стёкла-то не опускаются. С запозданием сообразил, что нельзя было дверцу открывать, тяжёлая она, инерция велика, быстро не захлопнешь. Надо было открыть бойницу для стрельбы из автомата. Говорить вполне можно.

– Эй, славяне! Здесь полигон, ехали бы вы отсюда подальше!

Только успел фразу закончить, справа щелчок, по правому плечу удар. Дёрнул на себя дверь, защёлкнул. А у порога между ним и сиденьем – стрела, какие при стрельбе из лука применяют. Они что – охренели? Поранить могли, бронжилет уберёт. Открыл бойницу.

– Полицию вызвать? Борзеее!

За бронестеклом он хорошо виден. Ближайший всадник копьём в стекло ударил, сильно. Ещё один с лошади на капот «Тигра» перебрался и мечом принялся рубить по стеклу. Тут уж не сдержался Борис. Высунул в бойницу ствол автомата, направил вверх, чтобы не зацепить, дал выстрел. Как там в Уставе? Предупредить – стой, кто идёт? Потом предупредить – стой, стрелять буду! И пальнуть в воздух. Выстрел на полигоне услышать должны. А ещё надо в обязательном порядке сообщить лейтенанту. Где носит Антона? И вдруг страшная мысль – не убили ли водителя эти придурки?

На выстрел всадники и лошади отпарировали бурно. Лошади шарахнулись в сторону, некоторые на дыбы встали, едва не сбросив всадников. Ну, лошади, оно понятно. У них слух отменный, как и обоняние, не хуже, чем у собак. Им по ушам близкий выстрел ударил внезапно. Но всадники! На лицах удивление и ужас, глаза круглые. Начали лошадей разворачи-

вать, плетьюми стегать. Полминуты – и нет никого, как и не было. Или пригрезились? Борис приоткрыл дверцу, тишина полная. Выбрался из бронемшины, на земле чёткие отпечатки копыт, причём лошади подкованы. У степняков лошадей не подковывали. Даже засмеялся над собой. Какие степняки? Держа автомат наготове, стал кричать.

– Антон! Рядовой Шульга! К машине!

Тишина. Отходить от броневомобиля побоялся, против всадников это единственный шанс выжить. Ткнёт копьём в лицо и конец. Забрался на крышу «Тигра», попробовал по рации связаться с лейтенантом. На крыше – повыше, связь лучше должна быть. А рация только шипит. Начал переключать на разные каналы, и ни на одном никаких переговоров. Вот голова дубовая! В машине рация есть и помощнее, чем портативная. Но и эта не отзывалась. В душу медленно стала заползать тревога. Откуда взялись всадники? Почему не возвращается Антон? В случае опасности для себя он бы выстрелил, крикнул. Так не было ничего. Или эти, с копьями, убили? Решил немного подождать. Солнце повыше поднимется, прогреет, туман рассеется, видимость улучшится. Забрался в машину, дверь закрыл.

С каждой минутой солнце вставало выше, оно уже проглядывало через туман. Ещё через час туман рассеялся, и Борис увидел неподалёку, в полукилометре от себя, полевой лагерь. Нет, не Российской армии с брезентовыми зелёными палатками. Множество палаток напоминали чумы, такие же островерхие, сшитые из шкур разных животных. Но не это смутило. Перед шатрами стоял отряд всадников. Борис попробовал посчитать, передняя шеренга полсотни, а шеренги две, итого сотня, и настроены они воинственно. Что-то орут, вскидывая копыта и потрясая ими. Огнестрельного оружия у них нет, и отбиться вполне можно. Другое представляло угрозу. Между шеренгами всадников и палатками горели костры. Если у воинов найдётся кто-то умный, подбросят дровишки под двигатель, подпалят, и никакая броня не спасёт, сам дверь откроешь и сдашься. Да и откуда они тут взялись, кто такие? Почему ведут себя как хозяева?

Нет, надо подготовиться дать отпор. Полезут – вести огонь на уничтожение. Решив так, открыл верхний люк, поставил там «Корд». Славный пулемёт калибром 12,7 мм, наследник «Утёса». Неплох был «Утёс», имел мелкие недостатки. Но с разделом Союза производство его оказалось на Украине и в Казахстане, хотя сконструирован был в Коврове, на пулемётном заводе. Любая армия стремится производить всю линейку вооружений у себя – от патронов до танков, ракет и самолётов. Ибо сегодня ты дружишь с какой-то страной, а завтра – уже враги. Яркий пример – Украина, Грузия. Недальновидно закупать зарубежное вооружение. Поэтому в Коврове коренным образом переделали «Утёс», убрав недостатки, – повысили устойчивость при стрельбе, кучность огня, уменьшили вес пулемёта и станков, их два. Патрон мощнее, чем такого же калибра у НАТО. Прицельная дальность – две тысячи метров, а пуля Б-32 на дальности сто метров пробивает 20 мм стали. Установив пулемёт на станке, достал две ленты с патронами, одну сразу заправил в лентоприёмник. Тяжёлые! Лента на пятьдесят патронов весит 7,7 кг.

Передёрнул затвор тросиком, прицелился. До всадников пятьсот метров, такую дальность выставил на прицеле. Всадники увидели Бориса, голова и верхняя часть туловища чётко видны. Заорали, засвистели, кинулись к бронемашине. Ладно, не хотите поговорить, разойтись миром, вам же хуже будет. Вздыхнул, прицелился, нажал на спуск. Из «калашника» стрелял несколько раз в учебке и после неё. С пулемётом обращаться учили – разбирали, смазывали, но стрелять не довелось. Поэтому, сделав несколько выстрелов, палец со спуска убрал. Грохот мощнейший, бьёт по ушам, тело пулемёта бьётся, как живое. Выстрелы достигли цели, всего-то два-три патрона, а упало четыре-пять всадников. Точно сказать невозможно, на земле бьются люди и лошади. На такой дистанции пули пробивали всадника в первой шеренге и второй. Или двух лошадей, если траектория пули ниже всадника пошла. Борис – снова за пулемёт. Теперь выставил прицел, нажал спуск и стволом вдоль всадников, справа налево, веером,

пока не кончились патроны в ленте. Где всадники, там – куча-мала. Не мешкая, вставил в лентоприёмник вторую ленту и снова открыл огонь. Но выпустить пришлось десять-двенадцать патронов, оставшиеся в живых не выдержали, повернули назад. Да и сколько их от сотни осталось? Хорошо, если три десятка. Один всадник выделялся богатыми одеяниями. Борис прицелился, сделал один выстрел. Короткое нажатие на спуск – и тут же палец убрал. У пулемёта темп стрельбы низкий, вполне приспособиться можно. Попадание удачное, упали и всадник, и лошадь.

Ствол пулемёта нагрелся, над ним лёгкое марево от горячего воздуха. В бою ствол пулемёта после двух лент менять надо, выполняется это за секунды. Ладно, пусть остывает, тем более желающих напасть нет. Из палаток к раненым вышли слуги. Раненых тащили к палаткам, перевязать, обиходить. В эффективной помощи Борис сомневался. При попадании крупнокалиберной пули «Корда» в грудь или живот будет гарантированный «двухсотый», то есть труп. А при ранении в руку или ногу их отрывает, и человек погибает за минуту-две от массивного кровотечения и болевого шока.

Осмотрелся – не подбирается ли кто с тыла? Тишина полная, даже птицы смолкли. Опустился в кабину, люк закрыл. Война войной, а обед – по расписанию. Открыл сухпай. Времени уже почти одиннадцать часов, кушать хочется. В армии всё по часам, за год привык, в желудке уже сосало. На этот раз вскрыл ИРП номер два. Каша с мясом, сыр плавленый на галету намазал, водой из фляжки запил. Про себя отметил, что надо запас воды пополнить. Неизвестно, сколько будет продолжаться его сидение в машине. После еды попробовал связаться со своими по рации. Тишина, и даже навигатор ничего не показывает, белый экран.

Мелькнула мысль – завести «Тигр» и ехать в батальон. Потом отказался. Покинуть пост без приказа нельзя. Во-вторых, его выстрелы должны услышать, прийти на помощь. А в-третьих, если Антон заблудился, вернётся к машине. Выстрелы из «Корда» километра за полтора слышно. Через боковое окно стал наблюдать за степняками. Не монголы, у них глаза узкие, кожа желтоватая. А у этих – европейские лица и оружие. Как он заметил – мечи, а у монголов – сабли. Надо бы «языка» взять, только удастся ли допросить? На каком языке они говорят? Узнать бы как-то об их планах. Ну, просидит он ночь не спавши, так через двое-трое суток не выдержит. Решил – не нападут до ночи, сам отправится к их лагерю и пленного возьмёт. Для таких вылазок на поясе ножны со штык-ножом к автомату. Ими и проволоку резать можно, и банку консервную вскрывать, и горло человеку, коли надобность возникнет. Никогда прежде Борис людей не убивал. Стрелять – одно дело, люди далеко, не видно их крови и страданий. Бить ножом – совсем другое, жертва рядом, сопротивляться может, кричать, звать на помощь, кровью обрызгать. Боязно, и самого от волнения колотит. В армии проще. Командир взвода или роты приказал, исполняй. А сейчас надо решения принимать самому, а главное – отвечать за них. Он из пулемёта столько накрошил, что на пять пожизненных сроков тянет.

Через час-полтора от лагеря отделился человек, направился к броневнику. Когда поближе подошёл, стало видно – без шлема, но в кольчуге, в правой руке небольшая палка с белой тряпкой – знак переговорщика, парламентёра. Человек шёл медленно, вероятно, побаивался. Не будут ли стрелять из железной кибитки? Борис присмотрелся. Копья – нет, меча – тоже. Надо выходить из машины, иначе переговорщик подумает, что Борис трусит. Передёрнул затвор автомата, на предохранитель не ставил. Выбрался из машины, с удовольствием вдохнул свежий воздух, почувствовал, как едва уловимо пахнет дымом от костров, жареным мясом.

Человек подошёл на десяток метров, вытянул вперёд обе руки ладонями вверх, показывая – они пусты. Потом медленно повернулся, чтобы Борис видел – ни копья, ни меча нет, потом кивнул в знак приветствия. Борис ладони показал, но поворачиваться спиной к незнакомцу не стал, кивнул. Он – хозяин положения, пусть пришелец, если ему не нравится, уходит. Потом подумал – лучше пусть останется, надо его разговорить, если получится наладить

контакт. Кто такие? Как сюда, на полигон, попали? Почему оружие древнее, убогое? Да много ещё вопросов.

Сделали по паре шагов навстречу. Нехорошо перекрикиваться, а ещё Борис хотел посмотреть в глаза переговорщику. Не обмануть ли хочет? Переговорщик правую ладонь к сердцу приложил, сказал.

– Рифат.

То ли приветствие, то ли имя. Борис сделал так же. Ладонь приложил, назвал себя. Переговорщик заговорил на славянском наречии. Славянском, потому что многие слова понятны, если медленно говорит. Это как русскому слушать разговор сербский или болгарский. Родственно, но не как украинский или белорусский.

– Это наша земля, зачем ты здесь? – спросил переговорщик.

– Нет, эти земли принадлежат моей стране, и я – её воин.

Переговорщик удивился.

– Как называется твоя страна?

– Россия.

– Никто в моём племени не слышал такой. Поверь – мы живём здесь много лун.

– Так и я не слышал о вас, и что из того? Мой командир отдал мне приказ – я исполняю.

– Зачем ты убил людей Красного воина?

– Мне всё равно, чьи они люди, они напали первые. И я убью всех, если они приблизятся.

– Они на своей земле.

– И я тоже. Я исполняю приказ. Велико ли твоё племя?

– О да, одних воинов в три раза больше, чем ты видел.

Борис едва не засмеялся. Даже если мужчин три сотни, женщин и детей, стариков вдвое-трое больше, так это численность одного села. Разве это сила? Переговорщик увидел по глазам Бориса, что он вовсе не впечатлён.

– А велик ли твой род?

– Сто сорок миллионов. А в армии – миллион. Ты представляешь, сколько это?

– Нет, я не волхв. Я – начальник над воинами, моё дело – беречь границы от пришельцев.

Ты чужак и должен уйти.

– Ты мне приказываешь? – удивился Борис.

– Только прощу. Ты силён, но ты один. Ты должен спать и есть.

Тонкий намёк, Борис об этом уже думал. Этот Рифат хочет сказать, что рано или поздно Борис уснёт и его убьют, если он не уйдёт с их земли.

– У тебя не получится, Рифат. Как только кто-нибудь сделает шаг в мою сторону, потеряет жизнь. Предай своих мёртвых земле, я не буду мешать.

Рифат от удивления широко раскрыл глаза.

– Предать земле? Я не ослышался? Так ты из племени зерноедов?

– Ты ошибаешься.

Какой-то разговор получался неконкретный, на взаимных обвинениях построен. Борис решил поближе и конкретнее.

– Скажи, Рифат, какой сейчас год?

Начальник воинов улыбнулся. Кто же не знает?

– Семь тысяч третий четвёртого царства.

Если бы не кровавая реальность, Борис решил бы, что Рифат сошёл с ума или обкурился какой-нибудь дряни.

– Страна какая?

– Сколь странны твои вопросы! Ты говоришь, как чужеземец. Эти земли принадлежат трём волхвам, а страна – Килиана.

Хм, никогда не слышал о такой. Причём Рифат говорит на полном серьёзе. Выходит – эти всадники самые настоящие туземцы. И с их точки зрения, Борис с его броневиком вторглись на их земли и подлежат уничтожению. Бред какой-то!

– Я свяжусь со своим командиром. Если он разрешит, я уеду. Ответ получишь завтра утром. Если твои воины нападут под покровом ночи, я уничтожу всё живое.

– Мои воины не нападут, даю слово.

Рифат ушёл. Его воины в лагере стали собирать ветки, даже пошли в лес, срубили несколько брёвен и притащили их лошадьми. На брёвна уложили своих погибших, подожгли. Костёр получился огромный, пламя высотой с трёхэтажный дом. Вскоре запахло горелым мясом, тряпьем. Запах сильный, жуткий. Вокруг костра, на котором сгорали соплеменники, воины устроили страшную пляску, топали ногами, грозили кулаками. Похоже – проклинали Бориса и клялись отомстить. М-да, вот это попал! Поутру надо убираться отсюда. Никакой стрельбы на полигоне не слышно, а творится непонятное. Пусть он нарушит приказ, пусть его накажут, но завтра утром он уедет отсюда. Слышал ещё до армии от кого-то, что есть гиблые места, как правило, у болот, где выходит болотный газ. Надышится им путник, и мерещится чертовщина. Не его ли это случай? Но, судя по карте, река поблизости есть и мелкие речки, но болот нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.